

III.

· Отвѣтъ свящ. Вл. Н. Страхову.

Въ ноябрьской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника“ с. г. официальный рецензентъ моей книги „Св. ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы“ (Москва, 1913) св. В. Н. Страховъ напечаталъ критическую часть своего отзыва съ нѣкоторыми подробностями.

Не имѣя возможности въ настоящій моментъ дать по существу отвѣтъ, я хочу остановиться на нѣкоторыхъ частностяхъ возраженій моего любезнаго рецензента. Къ этому побуждаетъ меня, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что, къ сожалѣнiю, читателя онъ не знакомитъ съ своими отвѣтами ему на магистерскомъ коллоквиумѣ (5 сент. с. г.). Для полноты впечатлѣнiя я берусь за перо.

По мнѣнiю В. Н. Страхова, мнѣ въ работѣ „предстояли двѣ задачи. Воспользовавшись почти общепризнанной въ послѣднее время историчностью Дѣянiй 25, 1—12, а также историчностью евангелiя Луки и другихъ частей книги Дѣянiй, авторъ долженъ былъ доказать историчность 25, 13—26 гл., чтобы разсѣять возможные сомнѣнiя въ неисторичности того эпизода, о которомъ онъ ведетъ рѣчь. Другая задача, предстоявшая автору, заключалась въ томъ, чтобы при помощи филологически-текстуальнаго, логико-психологическаго и историко-археологическаго анализа 25 и 26 гл. Дѣянiй дать ихъ научный комментарий“ („Бог. Вѣстн.“ с. г. ноябрь, стр. 625—626). Моему сознанiю, говоритъ онъ далѣе, „эти задачи, видимо, предшосились смутно, между тѣмъ постановка этихъ вопросовъ и то или иное рѣшенiе ихъ было важно и необходимо для большей пѣвности... сочиненiя“

(стр. 628). Возраженія противъ подлинности „надо было поставить и рѣшить для того, чтобы... не „всеу трудиться““ (стр. 631).

Итакъ, впечатлѣнїе получается совсѣмъ невыгодное для меня лично и для моей работы: какъ будто я *долженъ былъ* дать рѣшеніе вопроса о подлинности анализируемыхъ главъ, рецензентъ ждалъ этого, и, кажется, справедливо упрекаетъ меня въ неисполненїи, повидимому, обѣщаннаго.

Посмотримъ, такъ-ли это?

Прежде всего, считаю своимъ долгомъ заявить самымъ искреннимъ образомъ, что *моему сознанію вопросъ о подлинности не предносился ни смутно, ни несмутно*. Процессъ моей работы находился совершенно въ иной плоскости. Свою задачу я намѣренно *особенно* подчеркнул въ началѣ своей книги: „разсмотрѣть данный отрывокъ (изъ книги Дѣянїй) со стороны культурно-исторической, юридической, и чисто богословской“ („св. ап. Павелъ на с. у Феста и А.“ стр. VII). Внимательный читатель моей книги не будетъ искать у меня рѣшенія вопроса о подлинности, потому-что онъ *долженъ* раньше познакомиться съ моимъ титульнымъ листомъ: „св. ап. Павелъ на судѣ у Феста и Агриппы. Историко-экзегетическій анализъ содержанія XXV и XXVI главъ книги Дѣянїй по греческому тексту. Ясно, что я и не задавался вопросами чисто-исагогическими. Для меня это было неинтересно, ставило мою работу на совершенно иные рельсы. Все мое вниманіе было сосредоточено на *содержанїи* этого отрывка изъ книги Дѣянїй. И если я иногда вдаюсь въ сторону текстуально-критическую, то въ цѣляхъ экзегетическихъ (ср., напр., стр. 36, 43, 46, 48, 53, 60, 75, 96 сл., 108, 112, 122, 124, 128, 133 и 135, 140 сл., 148 сл., 193 сл., 206 ср. 214, 257 сл., 287, 300 ср. 301, 312 и др.). Я привожу важнѣйшія греческія разночтенія, что-бы читатель и самъ (если я не руковожу имъ) могъ легко дополнять или разъяснять смыслъ анализируемаго стиха. Напр., къ XXVI, 15-я добавляю: „*χθρός* опуск. Н. Р. Jigas къ такой констр. добавляетъ еще—*enim*“ послѣ „ego“ и „Nasarenius“ послѣ „Jesus“ *Ἰησ. ὁ Ναζωραῖος συρ^ρС* + и нѣкот. минусы.“ (стр. 222). Конечно, для спеціалиста, постоянно работающаго по изданїямъ Тишендорфа, Блясса, Содена, новаго въ моей прибавкѣ ничего нѣтъ. Но для ординарнаго читателя, интересующагося *содержанїемъ*

даннаго отрывка, дается нѣсколько иное освѣщеніе XXVI, 15: самъ Иисусъ, явившійся Савлу, называетъ Себя Назаряниномъ. Въ IX же вѣкѣ (кодд. Н и Р) была тенденція представить Спасителя говорящимъ не отъ Своего Божественнаго Имени (пропускъ *χριστος*). Въ *Конт* мы не имѣемъ этого, тѣмъ умѣстнѣе было процитовать такой вариантъ. Я не буду умножать примѣровъ. скажу только, что считаю слишкомъ *рѣзкимъ* и *непонятнымъ* утвержденіе рецензента, будто я привожу важнѣйшія разночтенія „въ большинствѣ случаевъ не для тѣхъ или другихъ выводовъ въ цѣляхъ экзегетическихъ, а просто потому, что такія разночтенія вообще существуютъ“ („Бог. В.“ Ук. зам. стр. 638). Вся рѣчь моя направлена къ раскрытію той обстановки, въ которой имѣлъ мѣсто судъ надъ ап. Павломъ. Мнѣ было нужно, и я сдѣлалъ это въ предѣлахъ возможности, объяснить историческую почву этого интереснаго процесса, дать объясненіе рѣчи св. Апостола о себѣ. Словомъ, я имѣлъ дѣло съ *содержаніемъ* текста св. Дѣписателя, но не съ текстомъ, взятымъ самостоятельно. Эту свою задачу я преслѣдовалъ на всемъ протяженіи своей работы. Слѣдовательно, если-бы я захотѣлъ коснуться также стороны педагогической, *мнѣ было-бы необходимо измѣнить самый титулъ своей работы.*

Такъ, В. Н. Страховъ хотѣлъ - бы внести въ мою работу совершенно *посторонній, при ея настоящей темѣ, элементъ*, дать ей объемъ иной, болѣе широкой, при которомъ *сама она должна-бы быть измѣнена.* Конечно, нетрудно давать совѣты, рекомендовать то, чего въ той или другой работѣ нѣтъ, но нужно также, если желательно быть не далекимъ отъ этики, указать, что рекомендуемое расширеніе объема должно прежде всего повлечь *иную формулировку темы.* Это-то, очень важнаго для оправданія разсматриваемаго отзыва, добавленія мой любезный рецензентъ не сдѣлалъ... Я понимаю, конечно, что онъ и не могъ этого сдѣлать, потому-что, если-бы онъ началъ свою рецензію съ указанія необходимости расширенія темы, ему пришлось - бы имѣть дѣло уже не съ моей книгой, а съ воображаемымъ противникомъ. И, само собой разумѣется, такого, какъ было нужно, впечатлѣнія произвести было-бы нельзя. Каждый могъ видѣть, что возраженія направлены не противъ темы въ ея *настоящемъ* видѣ, а противъ *возможной* темы, въ составѣ которой есть

моментъ исагогическій, и на него авторъ *не обращаетъ вниманія*.

И интересно, что раньше, въ своемъ отзывѣ о моей диссертациі въ рукописномъ видѣ, мой любезный рецензентъ понималъ мою позицію, значеніе титула моей книги и опредѣленно заявилъ, что за ощущение вопроса о подлинности онъ не считаетъ себя въ правѣ упрекать меня: „ибо и самъ авторъ своей задачей поставилъ лишь историко-экзегетическій анализъ XXV и XXVI главъ книги Дѣяній“ (см., Бог. Вѣстн. с. г. сентябрь. „Журн. Сов.“ стр. 62). Во второмъ же, анализируемомъ въ данный моментъ, отзывѣ такого заявленія нѣтъ: рецензентъ прямо заявляетъ, что я „долженъ былъ доказать историчность 25, 13—26 гл.“ (ноябр. кн. стр. 625). Въ чемъ причина или источникъ такого, хотя непрямого, *противорѣчія*, я не знаю.

Теперь я позволю себѣ высказать нѣсколько замѣчаній по вопросу о подлинности анализируемыхъ мною главъ, какъ онъ мнѣ представляется.

Кажется, мы часто злоупотребляемъ терминами „подлинность“ и „неподлинность“ того или другого отрывка св. текста и создаемъ цѣлый вопросъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого намека на него. Я понимаю цѣлесообразность и объективную пользу выясненія историчности известнаго отрывка св. текста лишь при одномъ условіи: при очевидномъ для *непосредственнаго* взгляда несоответствіи этого отрывка контексту. Разумѣю въ данномъ случаѣ не только идейную, но и технически-текстуальную сторону. Только при такомъ условіи необходимо обратиться къ тщательному анализу настоящаго мѣста и выяснить вопросъ двояко: показать неповрежденность св. текста и уяснить причины, почему непосредственный взглядъ находитъ здѣсь известное препятствіе; съ другой стороны, необходимо здѣсь же разобрать возраженія отрицательной критики. Отсюда, для меня вполне понятенъ и объяснимъ, напр., вопросъ о подлинности повѣствованія св. Дѣписателя въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ неясна личность автора. Я разумѣю главы книги Дѣяній, гдѣ св. ев. Лука говоритъ то въ первомъ лицѣ (XVI, 10, 16, XXI, 1—18), то въ третьемъ (съ XXI, 19 по XXVII гл. „мы“ не встрѣчается). Эта, бросающаяся въ глаза, разница выраженій св. Дѣписателя требуетъ объяс-

ненія также и потому, что въ зависимости отъ послѣдняго находится, между прочимъ, вопросъ объ авторѣ подробной рѣчи объ ухахъ и судѣ св. ап. Павла въ Кесаріи. Разница въ повѣствованіи здѣсь очевидна сама собою, и нужно дать отвѣтъ А. Гарнаку, который находитъ въ данномъ случаѣ сильный аргументъ для своей „wir-theorie“. Этотъ отвѣтъ и былъ данъ мною въ книгѣ на стр. 56—57 (прим.).

Во всѣхъ такихъ и подобныхъ случаяхъ наша наука должна выступать на защиту св. текста не потому, что на Западѣ раздаются возраженія, а потому, что мы имѣемъ поводъ къ тому въ самомъ текстѣ. Но для меня совершенно непонятно и необъяснимо рвеніе православнаго богослова, который выступаетъ не изъ объективныхъ основаній на защиту того или другого отдѣла, а только потому, что какому-нибудь изслѣдователю „показалась“ не подлинность этого послѣдняго. Съ жаромъ и энергіей, достойной лучшаго примѣненія, набрасывается серьезный русскій богословъ на это отдѣльное мнѣніе, употребляетъ всѣ силы и средства на разборъ его. Съ жаромъ старается убѣдить своего противника въ неправильности и ненаучности его взгляда, вмѣсто того, чтобы пройти мимо и не обратить никакого вниманія. На самомъ дѣлѣ, развѣ не смѣшно было-бы доказывать Э. Ренау, что Господь Иисусъ Христосъ родился отнюдь не въ Назаретѣ?

Правда, мы, русскіе, на міровомъ книжномъ рынкѣ и въ ученой литературѣ занимаемъ какое-то особенное положеніе. Злой геній воспиталъ насъ въ непонятномъ почтеніи къ продуктамъ западно-европейскаго книжнаго рынка. Почти за каждую новую книжку Запада мы судорожно хватаемся, признаемъ необходимымъ считаться со всякимъ, какъ-бы абсурдно оно иногда ни было, мнѣніемъ автора, тратимъ непроизводительно много силъ на разборы случайнаго взгляда, не считаемся съ тѣмъ, что авторъ какой-нибудь двадцатипфенниговой брошюры писать грамотно не умѣетъ... И, право, какъ больно, обидно бываетъ за себя, обидно за свою науку и литературу, засоренныя такимъ балластомъ... Между тѣмъ, на Западѣ не чувствуютъ никакой нужды считаться съ продуктами нашего интеллектуальнаго творчества. Горько было слышать отъ одного итальянскаго ученаго докладъ о нашей ученой литературѣ, въ которой онъ видѣлъ мало

положительнаго, творчески-созидательнаго, и онъ объяснялъ это тѣмъ, что у насъ, русскихъ, очень развитъ критицизмъ, болѣзненная зависть, по его мнѣнiю, къ успѣхамъ культурныхъ сосѣдей. Русскiе не имѣютъ времени творить, говорилъ онъ, потому-что очень заняты нашей (западно-европейской) наукой..

Конечно, нужно критически относиться къ чужимъ мнѣнiямъ, нужно давать ихъ разборъ, нужно вообще считаться съ болѣе богатыми сосѣдями, но только тамъ и тогда, когда угрожаютъ нашему *миросозерцанiю*. Но это нужно дѣлать не въ ущербъ нашей положительной, трезвой наукѣ. И для меня лично *первая обязанность* понять, объяснить и перевести на языкъ нашихъ идей повѣствованiя священныхъ, богодухновенныхъ писателей, которые не потеряютъ отъ „оригинальническихъ“ нападокъ Баура, Целлера, Овербека и др. Имѣть дѣло съ *мнѣнiями* мыслителей, изслѣдователей—это второстепенная задача нашей науки, это извѣстная роскошь, но не первая, главная задача.

Лично для меня совсѣмъ необѣдительно и не имѣютъ никакого значенiя хитроумныя и, быть можетъ, оригинальныя и любопытныя построенiя западныхъ представителей отрицательнаго направленiя. И во всякомъ случаѣ мнѣ не было никакой нужды обращаться къ творцамъ теорiи о „Doppeldarstellung“ судовъ надъ ап. Павломъ при Феликсѣ и Фестѣ, въ игнорированiи которыхъ упрекаетъ меня В. Н. Страховъ. *Въ самомъ текстѣ я не вижу никакихъ намековъ* на то „удвоенiе событiя“ суда надъ ап. Павломъ, съ которымъ такъ энергично и умно борется въ своемъ отзывѣ мой любезный рецензентъ. Рѣчь св. Дѣписателя о первой и второй половинахъ кесарiйскихъ узъ св. Апостола (при Феликсѣ и Фестѣ) столь логична, проста и естественна, что рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ для возбужденiя сомнѣнiй въ ея подлинности. Для того, кто хотя немного знакомъ съ культурно-политической исторiей того времени, тотъ не можетъ не видѣть полной историчности повѣствованiя св. Дѣписателя въ данномъ мѣстѣ, съ одной стороны, и натяжекъ, произвола защитниковъ теорiи „удвоенiя событiя“, съ другой. Нужно было *выдумать* эту теорiю, потому-что она не имѣетъ готовыхъ данныхъ въ текстѣ кн. Дѣянiй. И, конечно, съ моей точки зрѣнiя, это мнѣнiе не заслуживаетъ

никакого вниманія уже по одному тому, что при немъ необходимо выбросить какой-нибудь одинъ изъ судебныхъ этаповъ Апостола: или при Феликсѣ, или при Фестѣ. Но тогда придется съ такимъ-же критическимъ ножомъ и намѣреніемъ обратиться и къ историкамъ—современникамъ, которые даютъ свѣдѣнія о прокурорахъ этихъ администраторовъ. Итакъ, я не признаю необходимости обращаться къ разбору теоріи „удвоенія событія“, потому-что не вижу *объективныхъ* основаній для нея. Считаться-же со всякимъ „мнѣніемъ“, которое прежде всего поражаетъ слѣпотой и явной предвзятостью, это значитъ терять время и трудъ совершенно непроизводительно. Мало-ли до чего можетъ дойти умъ человѣческой... Научное изученіе извѣстнаго предмета никогда не двинется впередъ, если мы будемъ имѣть дѣло только съ возраженіями, теоріями и не будемъ считать главнымъ *положительный* анализъ существа предмета. Мы никогда не дойдемъ до послѣдняго, будемъ вѣчно стоять на одномъ мѣстѣ, потому-что *намъ говорятъ*, что наше корыто разбито, и мы, конечно, должны постоянно чинить его... Однако еще разъ повторю, я лично отнюдь не оспариваю важности псагогической апологетики особенно въ настоящее время. Подробнѣе объ этомъ будетъ рѣчь послѣ, когда я вернусь къ анализу разбора моимъ любезнымъ рецензентомъ теоріи „удвоенія событія“. Въ настоящей моментъ позволю себѣ высказать одно свое недоумѣніе.

Выше я сказалъ, что съ возраженіями противъ подлинности извѣстнаго отрывка св. текста нужно считаться только въ томъ случаѣ, если очевидны объективныя основанія для такого сомнѣнія. Задача православнаго богослова въ этомъ случаѣ сводится къ тому, что-бы дать исчерпывающее объясненіе и указать источникъ сомнѣнія отнюдь не въ порчѣ св. текста, а или въ недостаточно ясной мысли, или-же въ собственномъ незнакомствѣ съ историко-археологическимъ, философскимъ матеріаломъ. Главною дѣлью, конечно, здѣсь должна быть теза Православной Церкви о неповрежденности богодухновеннаго текста Писанія. У насъ есть свои опредѣленные догматическіе устои, подкрѣпленные Церковнымъ авторитетомъ, и дѣло нашей науки эти устои подкрѣплять, сводить къ немощному человѣческому сознанію, дѣлать достояніемъ жизни. Отсюда, долгъ каждаго изъ насъ имѣть

дѣло прежде всего съ *основой* этихъ устоевъ, изучать и объяснять ее, указывать цѣлесообразность и жизненность этой почвы, и только послѣ этого можно говорить о развитіи стороны догматической. И я не вижу никакой пользы и нужды затрогивать вопросы, которые у принимающаго православное міросозерцаніе не могутъ возникать. Я могу недоумѣвать, почему въ книгѣ Дѣянія рѣчь идетъ то въ первомъ лицѣ, то въ третьемъ, — наука должна разъяснить мнѣ мои вопросы въ этомъ отношеніи. Но какое значеніе для моего міросозерцанія можетъ имѣть вопросъ, *искусственно* поднятый, который въ моемъ сознаніи не имѣетъ почвы, я не знаю. Вѣдь, сомнѣваться можно во всемъ, было-бы хорошее воображеніе. Конечно, могутъ возбуждать извѣстное любопытство приемы такого изслѣдователя, можно остановиться вниманіемъ на подобныхъ романическихъ экскурсахъ, можно высказывать много догадокъ о причинѣ, источникѣ такого сомнѣнія и пр. Но все это нужно разсматривать съ строго опредѣленной точки зрѣнія, не какъ имѣющее реальное, объективное основаніе, а какъ историческій романъ, въ которомъ фактъ преподносится въ обстановкѣ субъективной, обязанной своимъ происхожденіемъ степени легкости полета фантазій.

Въ своей православной богословской наукѣ мы не имѣемъ такихъ продуктовъ мышленія, которые въ конечномъ итогѣ приходятъ къ признанію не богодуховности св. текста. Иное дѣло въ наукѣ западной. Лишенная авторитета Церковнаго сознанія, неимѣющая никакихъ строго опредѣленныхъ вѣхъ, западная наука находится въ процессѣ постоянного самоотрицанія. Если нѣтъ почвы твердой, нельзя строить домъ. Если нѣтъ убѣжденія въ святости и богодуховности текста Писанія, если послѣднее признается нормальнымъ продуктомъ человѣческаго мышленія, тождественнымъ по своему источнику съ поэмами Гомера и др., то, конечно, можно заниматься сравнительной оцѣнкой *научной* значимости различныхъ мѣстъ св. Писанія. Можно совершенно спокойно объявлять это мѣсто неподлиннымъ, другое — подлиннымъ, то — болѣе древнимъ, слѣдовательно — авторитетнымъ, это принадлежащимъ новому времени и такъ безъ конца. Что получится изъ этой интеллектуальной эквилибристики, не трудно сказать: примѣры у насъ налицо. Само собой разумѣется.

для западной науки, которая не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ устоевъ, критеріевъ, которая такъ часто отрицаетъ то, что вчера еще признавалось безспорнымъ, вполне естественно высказывать сомнѣнія въ логичности, психологичности извѣстныхъ мѣстъ, объявлять, что авторъ св. книги говоритъ о томъ или другомъ обстоятельстве съ опредѣленной тенденціей, раскрывать эту послѣднюю. Можно это предположеніе выдать за теорію, развивать ее съ цѣлью примѣненія для того, чтобы объяснять другія обстоятельства и т. д. Все это вполне естественно, повторяю, для западной науки. Она въ своихъ цѣляхъ можетъ говорить о томъ, что въ книгѣ Дѣяній должна быть рѣчь только объ одномъ судѣ надъ ап. Павломъ, что его аппеляція имѣла мѣсто и логическое оправданіе, вскорѣ послѣ ареста въ Іерусалимѣ, а не предъ Фестомъ. Можно, слѣдовательно, говорить, что св. Дѣписатель перепуталъ событія и т. д. Все это—можно, но можно тамъ, гдѣ нѣтъ никакого критерія, гдѣ единственное средство и путь отыскать предполагаемую истину—обращеніе къ субъективному сознанию, которое для другого такъ же цѣнно и убѣдительно, какъ утвержденіе дальтониста. Все это—естественные результаты того ненормальнаго положенія, въ условіяхъ котораго протекаетъ жизнь западной науки. Всѣ эти западныя теоріи, отрицанія, сомнѣнія и пр.—домашніе споры, которые цѣнны и имѣютъ значеніе тамъ, на Западѣ, гдѣ каждый и есть свой собственный критерій, съ которымъ считается никто не обязанъ.

Отсюда, для меня совершенно непонятно, зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ эти домашніе, у насъ неимѣющіе никакой почвы, споры, зачѣмъ вносить къ себѣ эту страшную критику, когда для нея у насъ нѣтъ ничего? Не значить ли это засорять свое достояніе элементами совершенно чуждыми, необычными?

Да, я признаю, что православная богословская наука должна имѣть дѣло съ вопросами о подлинности и неповрежденности св. текста. Долженъ,быль-бы и я остановиться на вопросѣ о подлинности анализируемыхъ мною главъ, если-бы у меня была иная тема, и были къ ней объективныя основанія. Однако, считаю нужнымъ заявить, къ числу послѣднихъ я не могу отнести чуждыя для нашей національной богословской науки, не отвѣчающія ей существу и от-

личительнымъ особенностямъ, мнѣнія и предположенія западныхъ изслѣдователей.

Поэтому, я совершенно не понимаю, какія основанія имѣеть мой рецензентъ, говоря слѣдующимъ образомъ: „возраженія противъ историчности повѣствованія Дѣписателя о двухгодичныхъ кесарійскихъ узахъ Апостола раздаются до самаго послѣдняго времени. Правда, эти возраженія.... не совсѣмъ серьезны, но они есть. И разъ они есть, въ монографіи, посвященной этому вопросу (курсивъ мой. *Н. Прот.*), они должны быть упомянуты и разобраны („Бог. В.“ ноябрь, стр. 631).

1) Рецензентъ не договариваетъ здѣсь, что такія возраженія раздаются въ западной наукѣ, въ той ея части, которая исходитъ изъ ординарности св. текста, и которая для нашего церковнаго міросозерцанія не можетъ дать ничего положительнаго.

2) Моя монографія посвящена отнюдь не вопросу о подлинности Дн. XXIV—XXVI. Повторяю, моя диссертация посвящена историко-экзегетическому анализу содержанія не „повѣствованія Дѣписателя о двухгодичныхъ кесарійскихъ узахъ Апостола“, какъ говоритъ рецензентъ, но анализу содержанія только двухъ главъ — XXV и XXVI, гдѣ рѣчь идетъ объ одномъ второмъ судѣ надъ ап. Павломъ предъ прокураторомъ Фестомъ. Я муссирую это на титульномъ листѣ и въ „Словѣ къ читателю“ и такого искаженія не допускаю.

Изъ приведенной выдержки видно, что мой любезный рецензентъ желалъ-бы отъ меня разбора возраженій „противъ историчности повѣствованія Дѣписателя о двухгодичныхъ кесарійскихъ узахъ Апостола“, т. е. разбора возраженій западныхъ ученыхъ противъ уже не только анализируемыхъ мною XXV и XXVI главъ, но и противъ главы XXIV, гдѣ идетъ рѣчь о судѣ надъ Апостоломъ у Феликса. И далѣе, нѣсколько ниже, онъ опредѣляетъ, что рѣшеніе этого вопроса я долженъ былъ начинать съ рѣшенія „вопроса объ источникахъ кн. Дѣяній“ (тамъ-же стр. 631).

На своемъ магистерскомъ коллоквиумѣ 5 сентября с. г. я уже говорилъ, въ какое положеніе ставить такимъ своимъ требованіемъ В. Н. Страховъ cadaго экзегета отдѣльнаго эпизода изъ апостольской исторіи. Положимъ, я согласился-

бы съ моимъ любезнымъ рецензентомъ и принялся - бы за новую для меня работу. Но откуда начинать? Онъ пишетъ: „изъ всей путаницы и массы критическихъ построений по вопросу объ источникахъ книги Дѣяній мы получаемъ такой — одинъ изъ немногихъ — твердо установленный результатъ: повѣствованіе Дѣписателя о судебномъ процессѣ Апостола у Феликса и Феста съ 23, 33 по крайней мѣрѣ по 25, 12 принадлежитъ къ тому основному источнику, который указываетъ на апостольскаго ученика, повидимому, на св. Луку. и историчность котораго, по крайней мѣрѣ въ ея основѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Къ этому выводу пришли Сорофъ, Шпитта, Клемень, Юнгстъ, I. Вейссъ и Гильгенфельдъ (там. стр. 631—32). Однако я не могу согласиться съ такимъ довѣріемъ моего рецензента къ „установленной“ историчности отдѣла съ XXIII, 33 по XXV, 12. Уже изъ приведенныхъ словъ В. Н. Страхова нетрудно видѣть, что даже самъ онъ не можетъ безусловно сказать о признанной, якобы, историчности этого отдѣла и говорить очень осторожно („по крайней мѣрѣ“, „повидимому“ и т. д.). Я вполне понимаю его. Эта „установка“ сдѣлана той-же западной наукой, которая прежде и объявила неисторичность нашего отдѣла. Мы хорошо знаемъ цѣну этимъ „установкамъ“: признанное вчера сегодня отвергается. Нѣтъ никакого ручательства, авторитета, который подтвердилъ-бы, что данный выводъ въ пользу подлинности имѣетъ значеніе факта. Исходя отсюда, я позволю себѣ спросить, въ какое положеніе поставилъ-бы меня мой рецензентъ, если-бы я оперся на это *признаніе* историчности отдѣла, построилъ-бы на ней, какъ это дѣлаетъ онъ самъ, доказательство историчности анализируемыхъ мною главъ, а чрезъ два дня какой-нибудь, неизвѣстный дотолѣ, изслѣдователь на Западѣ опять объявилъ-бы неподлиннымъ отдѣлъ XXIII, 33—XXV, 12? Что-же это за научная работа? Гдѣ здѣсь надежное основаніе и гарантія того, что завтра мнѣ не придется строить вновь всего зданія? Поэтому, я прихожу къ выводу, что въ рѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ признаніе подлинности и неповрежденности св. текста, нельзя опираться на данныхъ только разума и исторіи. Нуженъ болѣе авторитетный и твердый критерій, если уже желательно поднять и рѣшить вопросъ объ историчности текста.

Я признаю, что, если дѣйствительно желательно выяснитъ подлинность главъ XXV и XXVI кн. Дѣяній, необходимо брать этотъ вопросъ шире, во всемъ его объемѣ, исходя изъ *общей*, въ качествѣ *методологической*, предпосылки о признаніи неподлинности текста Дѣяній. Тогда можно взять мои главы въ контекстъ, раньше утвердить его, доказать, что предшествующія и послѣдующія главы, органически связанная съ глг. XXV и XXVI,—подлинны, и затѣмъ уже переходить къ этимъ послѣднимъ. Только при такой постановкѣ мы не рискуемъ получить аргументированіе произвольное и необъдательное: читателю будетъ ясно, что доказанныя нами подлинность всей книги Дѣяній приводитъ къ признанію подлинности и анализируемыхъ главъ.

Но представимъ себѣ, далѣе, что кто-нибудь послѣ меня возьметъ для подобнаго-же анализа XXIV главу кн. Дѣяній. Мы потребуемъ отъ него доказательствъ подлинности этой послѣдней. Онъ также долженъ будетъ исходить изъ общей неподлинности книги Дѣяній, доказывать подлинность предшествующихъ и послѣдующихъ главъ, чтобы только тогда перейти къ доказательству подлинности анализируемой главы. Такое-же, въ сущности, повтореніе меня мы должны встрѣтить и въ работѣ третьяго лица, которое принялось-бы за анализъ еще какой-нибудь главы кн. Дѣяній. И всякій разъ, какъ кто ни брался-бы за экзегетическій разборъ любого эпизода изъ апостольской исторіи, ему нужно было-бы идти съ начала, повторять своихъ предшественниковъ и т. д. Въ виду этого, я не позволилъ-бы себѣ обречать нашу науку на такое бесплодное бѣганіе въ колесѣ...

Мнѣ представляется выходъ изъ подобнаго положенія такой.

Оперировать съ текстомъ св. Писанія можно съ экзегетической и исагогической сторонѣ. Смѣшивать эти послѣднія нѣтъ нужды и не рационально: это двѣ самостоятельныя области знанія, которыя различны и по методамъ, и по материалу. Для большей продуктивности научной нужна самая строгая, точная дифференцировка труда въ этомъ отношеніи: въ ней залогъ цѣльности, опредѣленности знанія. Какъ въ археологической дисциплинѣ вопросы стилиа и техники отдѣляются отъ вопросовъ собственной иконологіи и идеологіи памятника, такъ и въ новозавѣтной наукѣ нужно пре-

слѣдовать спеціализацію знаній. У насъ есть *общія* и *частныя введенія* въ Новый Завѣтъ. Спеціалистамъ этой области и надлежитъ вѣдать вопросы о подлинности той или другой св. книги въ ея цѣломъ объемѣ и въ отношеніи отдѣльных частей и главъ.

Думается, что мой любезный рецензентъ, хотя немного, согласенъ со мной. Я позволю себѣ сказать, что не совсѣмъ убѣжденъ въ искренности его требованій отъ меня рѣшенія вопроса о подлинности анализируемыхъ мною главъ со стороны содержанія.

Вернемся немного назадъ. По его словамъ, я „долженъ былъ доказать историчность 25, 13—26 гл., чтобы *разсѣять возможные сомнѣнія* ¹⁾ въ неисторичности того эпизода, о которомъ“ я веду „рѣчь“ (стр. 625). Возраженія противъ подлинности „должны быть упомянуты и разобраны, хотя-бы для того, чтобы положить имъ конецъ..... Надо было эти возраженія поставить и рѣшить для того, что-бы очистить поле зрѣнія отъ наслоеній, чтобы..... не „всеуе трудиться“ хотя-бы въ глазахъ тѣхъ, кто считаетъ двойной процессъ Апостола — у Феликса и Феста — за редакторское повтореніе одного процесса, за *Doppeldarstellung*“ (стр. 631). Трудную задачу предлагаетъ мнѣ мой любезный рецензентъ: вѣдь, въ числѣ „возможныхъ сомнѣній въ неисторичности“ анализируемаго эпизода придется, пожалуй, имѣть дѣло съ весьма возможнымъ предположеніемъ какого-нибудь—зона или—фельда, что надъ ап. Павломъ было три суда, и если мы знаемъ только о двухъ, то, слѣдовательно, Дѣеписатель пропустилъ третій... Говоря проще, придется лѣчиться *авансомъ* отъ неизвѣстныхъ болѣзней. Это—очень трудно. Однако я не падаю духомъ, потому-что самъ В. Н. Страховъ и утѣшаетъ меня: „я не могу предъявлять къ автору рецензируемой книги требованія войти въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ гипотезъ о механической компилятивности книги Дѣяній изъ разныхъ источниковъ. Это — было-бы прежде всего почти бесполезнымъ трудомъ, такъ-какъ всѣ эти гипотезы взаимно уничтожаютъ одна другую. А главное—подробное изслѣдованіе этого вопроса не входитъ въ прямую задачу автора“ (стр. 634). А еще раньше онъ-же заявилъ.

¹⁾ Курс. мой. Н. П.

что за пропускъ вопроса о подлинности онъ меня „судить... не“ считаетъ „себя въ правѣ..... ибо и самъ авторъ сврею задачею поставилъ лишь *историко-эзегетическій анализъ* XXV и XXVI главъ книги Дѣяній“ (см. „Бог. В.“ сент. с. г. „Журн. Сов.“ стр. 62).

Въ заключеніе я останавлиюсь на упрекѣ В. Н. Страхова по моему адресу въ томъ, что я „почему-то совершенно опустилъ изъ вниманія недавно открытую Дельфійскую надпись. Это для меня (т. е. В. Н. Страхова) тѣмъ страннѣе, что авторъ цитируетъ книгу Deissmann'a, гдѣ въ приложеніи даны фототипическіе снимки и расшифровка этой надписи. На русскомъ языкѣ автору объ этомъ слѣдовало прочитать въ статьѣ арх. (нынѣ Епископа) Анатолия: „„Дельфійская надпись и ея значенія для хронологіи ап. Павла““ (тамъ-же стр. 641).

Прежде всего я долженъ заявить моему уважаемому рецензенту, что я владѣю не однимъ только русскимъ языкомъ, такъ-что его совѣтъ обратиться для ознакомленія съ выводами нѣмецкаго ученаго къ статьѣ на *русскомъ* языкѣ—немного специфиченъ. Далѣе. Ему очень хорошо извѣстно, что въ моей библіотекѣ есть книга Deissmann'a, съ которой я достаточно знакомъ, чтобы оцѣнивать эту новинку европейскаго рынка по ея достоинству: и если я не пользуюсь данными и выводами автора, то, слѣдовательно, имѣю на это причины. Ихъ я изложилъ на своемъ магистерскомъ коллоквиумѣ. Въ настоящей моментъ удовольствуюсь заявленіемъ, что пока точно не опредѣлено, принадлежать-ли къ одной стеллѣ изъ южной стѣны Дельфійскаго храма Аполлона найденные сначала четыре и затѣмъ, три куска, реконструировать всю стеллу и дешифровать ея графику, какъ это дѣлаетъ Deissmann, я считаю преждевременнымъ. Кто знакомъ съ исторіей археологическихъ открытій, тотъ знаетъ, какъ часто изслѣдователи дѣлались жертвой слишкомъ поспѣшнаго и довѣрчиваго отношенія къ только-что найденному фрагменту. Многимъ приходилось горько раскаяваться послѣ момента перваго знакомства съ послѣднимъ. Я хочу быть остороженъ и оперировать только съ матеріаломъ вполне опредѣленнымъ и исторически достовѣрнымъ, о чемъ я и предупреждаю читателя въ своей книгѣ: „можно было удѣлить очень много вниманія и мѣста рѣчи о положеніи

римской прокуратуры въ Иудеѣ, объ институтѣ апелляціи, объ обращеніи Савла и пр., но отъ этого подобные вопросы не выиграли - бы въ ясности и отчетливости..... Приведено только самое необходимое, исторически точное и несомнѣнное“ („св. ап. Павелъ на с. у Феста и А.“, стр. VIII сл.). Вносить въ серьезную книгу элементъ ненадежный, случайный и условный я считаю дѣломъ не нравственнымъ въ отношеніи читателя.

Упрекъ въ непользованіи выводами Deissmann'a наводитъ меня, между прочимъ, на нѣкоторыя размышленія и недоумѣнія:

В. Н. Страховъ съ большою экспрессіей и очень *рѣзко* пишетъ: „Дельфійская надпись подтверждаетъ (курс. мой. Н. П.) принимаемая авторомъ хронологическія вычисленія (с. 33). И для меня очень странно, что авторъ ни словомъ не обмолвился о нахожденіи такого интереснаго документа, какъ Дельфійская надпись. Правда, существенно новаго она автору ничего-бы не дала, но позицію его подкрѣпила - бы. А кромѣ того мнѣ представляется прямо неудобнымъ не использовать соотвѣтствующей научной новинки въ работѣ на ученую степень. Автору слѣдовало хотя-бы только упомянуть о дельфійской надписи, если у него не было времени или желанія возиться съ ея датами (хотя это было необходимо по самому существу вопроса). Сейчасъ-же у рецензента является такая мысль: или авторъ ничего не зналъ о дельфійской надписи и потому ею не воспользовался — что, повторяемъ, очень странно для ученой работы, или онъ не хотѣлъ или боялся ею воспользоваться въ виду шаткости ея хронологическихъ датъ,—но это неосновательно, такъ-какъ значеніе дельфійской надписи для хронологіи ап. Павла признано учеными авторитетами Запада“ (см. „Бог. В.“ ноябр. стр. 643).

Я уже сказалъ выше, что *намышленно* игнорировалъ дельфійскіе фрагменты при своей работѣ: для меня они были неинтересны и неважны. В. Н. Страховъ хочетъ заставить меня признать кардинальное значеніе дешифровки Deissmann'a и даже „пугаетъ“ учеными авторитетами Запада. Я долженъ сказать, что вообще не раздѣляю его преклоненія предъ западными учеными: для меня не имѣетъ рѣшающаго значенія, что та или другая книга вышла не въ Россіи, а на

Западѣ. Географія здѣсь совершенно непричемъ и для меня лично нисколько неубѣдительна. Для меня важенъ фактический матеріалъ и условія его находки. И я совершенно не понимаю, почему мой рецензентъ самъ критически относится къ другимъ „ученымъ авторитетамъ Запада“, напр., къ творцамъ и выразителямъ „теоріи удвоенія“, тогда какъ принимаетъ очень подозрительную дешифровку Deissmann'a? Гдѣ здѣсь логическій мостикъ?

Но вотъ что для меня совершенно непонятно. Въ своей книгѣ я пишу: „въ 58 году ап. Павелъ былъ схваченъ въ Іерусалимѣ, отправленъ въ Кесарію, томился тамъ въ узахъ до 60 года, когда выступилъ предъ новымъ прокураторомъ Іудеи — Порціемъ Фестомъ, въ томъ-же году лѣтомъ или осенью былъ отправленъ въ Римъ“ („Св. ап. Павелъ на судѣ у Ф. и А.“, стр. 33).

Итакъ, въ качествѣ даты суда у Феста я принимаю 60 годъ.

Вотъ что пишетъ мой уважаемый рецензентъ на этотъ счетъ:

1) анализир. отзывъ („Б. В.“, нобр. стр. 643), „Дельфійская надпись *подтверждаетъ* ¹⁾ принимаемая авторомъ хронологическія вычисленія..... существенно поваго она..... ничего не дала“.

2) его оффиц. отз. („Б. В.“ сиб. стр. 64)—„вопросъ о времени суда Ап. Павла у Феста авторъ рѣшаетъ въ пользу даты болѣе позднѣйшей (примѣнительно къ хронологіи).

3) *Однако* ²⁾ новооткрытая дельфійская надпись оправдываетъ, повидимому, хронологическія вычисленія Turner'a, т. е. *судъ надъ Ап. Павломъ у Феста долженъ приходиться года на два—на три раньше принимаемой Н. Д. Протасовымъ хронологіи*“ ³⁾.

Интересно, между прочимъ, что на моемъ магистерскомъ коллоквиумѣ мой уважаемый оппонентъ В. Н. Страховъ убѣждалъ меня принять данныя Deissmann'a, потому-что они

1) Курс. мой. Н. П.

2) Курс. мой. Н. П.

3) Курс. мой. Н. П.

подкрепляютъ мою позицію. Я, конечно, тогда-же увидѣлъ, что онъ *отказывается* отъ своего оффиціального отзыва, но не позволилъ себѣ выйти изъ рамокъ тактичности.

Въ чемъ причина столь *прямого противорѣчія* въ словахъ моего любезнаго рецензента, я не знаю. Быть можетъ, позволительно предположить, что профессоръ свящ. В. Н. Страховъ незнакомъ съ подлинникомъ книги А. Deißmann *Religions- und kultur-geschichtliche Skizze*. Tübingen, 1911. Это—очень любопытная книга, написанная самымъ простымъ языкомъ.

Доцентъ Императорской Московской Духовной Академіи
Н. Д. Протасовъ.

Москва, $\frac{19-20}{XI}$.

(Окончаніе слѣдуетъ).
